

УДК 323.281(=112.2) “1920-1939”(477.75)

И. А. Задерейчук

**РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
В ОТНОШЕНИИ НЕМЦЕВ КРЫМА В 20-30-Е ГГ. XX ВЕКА**

Статья посвящена исследованию проблемы репрессивной политики в отношении немцев, проживающих на территории Украины. Выявлены основные причины и последствия геноцида населения в период в 20-30-е гг. XX века.

Ключевые слова: национальность, немцы, свобода вероисповедания, депортация, геноцид, политика террора.

Сегодня современные украинские ученые в первую очередь акцентируют свое внимание на процессах, связанных с индустриализацией, коллективизацией и голодомором, а также репрессивной политикой государства в отношении «классовых врагов». На сегодняшний день украинское общество жестко осудило эпоху сталинизма. К сожалению, при этом часть общественности продолжает находиться под влиянием штампов воспитанных советской идеологической машиной, среди которых остается ассоциирование немцев Украины с фашистами или их пособниками, что само по себе возмутительно. Данное исследование должно показать трагедию, которую пережили немцы, и стать очередным напоминанием современному поколению о ней.

Немецкое население компактно проживало не только на территории материковой Украины, но и в Крыму. После установления советской власти на полуострове в 1921 г. была проведена перепись населения. Ее данные показали, что в Крыму проживало 42350 тыс. немцев [1, с. 203]. По уездам эта цифра составляла: Симферопольский – 10 000 тыс., Джанкойский – 11 000 тыс., Евпаторийский – 8 000 тыс., Феодосийский – 7 500 тыс. и

Керченский – 2500 тыс. человек. Социальный состав немецкого населения был следующим: батраки – 3 %, малоземельные крестьяне – 26 %, середняки – 40 % и кулаки – 26 % [2, л. 72]. Указанные данные наглядно свидетельствуют о социальном и экономическом положении немцев на полуострове. Общеизвестным является тот факт, что приход большевиков к власти был связан с проведением ими политики ущемления ряда прав по социальному и профессиональному критерию. В частности, в ст. 65 Конституции 1918 г. закреплялась норма о лишении избирательных прав. Она применялась по отношению к тем, кто использовал наемный труд с целью получения прибыли, имел нетрудовые доходы в виде процента с капитала, доходы с предприятия, а также к частным торговцам. Эта норма Конституции впервые была применена во время первой открытой избирательной компании 1925 – 1926 гг. [3, с. 88] и продолжала действовать вплоть до принятия Сталинской Конституции 1936 г. [4, с. 32].

Лишение права голоса стало рассматриваться как показатель политической неблагонадежности со всеми вытекающими отсюда последствиями. Исключение из списков избирателей пугало не отказом в праве опускать

бюллетень в урну, а ущемлением прав человека в самых разных сферах. Лишение избирательных прав могло стать причиной увольнения с государственного предприятия, вело к изъятию хлебных и кооперативных книжек, снятию с учета на бирже труда, выселению в течение 48 часов с государственной жилой площади, прекращению оформления и выплаты пенсий.

Страдали и члены семей лишенцев. Они теряли право на бесплатное образование и лечение, исключались из рядов ВЛКСМ и ВКП (б), пионерских организаций. Служба в Красной Армии для них заменялась тыловым ополчением в Сибири. Преследование членов семьи лишенцев породило такое уродливое явление, как отказничество [4, с. 32 – 33].

Особенно норма о лишении избирательных прав коснулась немцев Крыма, так как немалая часть представителей этой этнической группы были середняками и кулаками. Кроме того, большим авторитетом пользовались представители духовенства, в которых большевики видели своих ярко выраженных противников. Именно зажиточные крестьяне и церковнослужители первыми попали под действие тоталитарной репрессивной машины. В подавляющем большинстве немцы лишались избирательных прав за применение наемного труда с целью получения прибыли [3, с. 89].

Вторым направлением репрессивной политики советского государства в 20-е гг. стало раскулачивание и выселение из Крыма богатых немецких землевладельцев. Основанием для таких действий местных властей послужило постановление ЦИК и СНК СССР от 20 марта 1925 г. «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание, в принадлежащих им до Октябрьской революции хозяйств» и Закона Крымской АССР от 20 марта 1925 г. «О выселении помещиков из Крыма». Уже в начале апреля репрессивная машина заработала.

Например, 14 апреля 1925 г. на заседании президиума Джанкойского райисполкома было постановлено: «Ходатайствовать о выселении из пределов Крыма бывших помещиков с их семьями». Под этот документ власти решили выселить семью Рапа (3475 дес. земли), семью Ротта (1933 дес.) и семью Д. А. Майера (1091 дес.) [5, с. 74 – 76]. Всего в период с 1926 по 1933 г. из 8237 немецких хозяйств Крыма было раскулачено 60 % [5, с. 89].

Одной из форм протеста немцев, а особенно меннонитов, на проводимую большевиками политику, стало жесткое выступление против существующих порядков на конференциях, партсобраниях, путем молчаливого саботажа. Например, немцы, принимая участие в прениях по различным докладам коммунистов, интересовались: «...Если религию нельзя преподавать в школе – приходится согласиться, а почему должно быть антирелигиозное воспитание. Почему сажают людей в тюрьму. Если нужно отобрать все, ну, отберите, а почему не оставляете дома...» [6, л. 13]. От слов немцы, а особенно меннониты, в 1929 г. перешли к действиям – начался процесс эмиграции. При помощи уговоров, разъяснений, а также определенных уступок в виде создания в 1930 г. Биюк-Онларского национального немецкого района это движение удалось остановить.

Тем не менее, продолжавшаяся на полуострове политика коллективизации привела к дальнейшему преследованию кулачества и инакомыслящих. Многие дела 1930 – 1933 гг., по которым проходили немцы, были связаны именно с земельной политикой большевиков. В частности, немцев чаще всего обвиняли в агитации против коллективизации, за единоличное хозяйство, в антисоветской агитации по срыву мероприятий советской власти, а также в агитации в пользу эмиграции из СССР [7, с. 108 – 382]. Все эти действия попадали под ст.58-10

УКРСФСР, и наказанием, как правило, было либо отправка в исправительно-трудовые лагеря от 3 до 10 лет или же, выселение за пределы Крыма вместе с семьей, чаще всего на Урал и в северные регионы страны [7, с. 107 – 112].

Таким образом, репрессивная политика 20-х начала 30-х гг. XX в. не имела ярко выраженной национальной окраски. Власти, фактически, вели борьбу с той частью населения, которая была в оппозиции по отношению к ней. Если на территории УССР, одним из способов обеспечения успешного проведения коллективизации был голодомор, то в КАССР в это время борьба велась лишь при помощи судов и выселения «антисоветских элементов» в северные районы страны.

К сожалению, после окончания проведения коллективизации политика репрессий продолжалась. Особенно она активизировалась после прихода к власти в Германии Гитлера. Для советских немцев это имело трагические последствия: их стали рассматривать в качестве внутренних врагов. Позже появится термин «пятая колонна». Действия чекистов отражали установку руководства страны, сразу почувствовавшего опасность для себя от нового руководства Германии [4, с. 114].

В 1934 г. намечается рост количества подвергшихся репрессиям немцев.

В 1934 г. органы НКВД проводили активную деятельность по выявлению контрреволюционных элементов среди немцев. Аресту подверглись 45 человек. В качестве обвинения выступала «переписка с фашистскими организациями и получение от них материальной помощи» (Я. Берг, Г. Бреймеер, М. Пенпер и др.), пропаганда фашизма и восхваление А. Гитлера (А. Руофф, И. Юнкинд и др.). Жителям отдельных колоний предъявлялось обвинение в массовом сотрудничестве с Германией. Например, немцы деревни Борангра обвинялись в том, что в ноябре 1934 г. из 48 хозяйств от фашистских

организаций Германии денежные переводы и посылки получали 23 хозяйства, то есть 50 % [10, л. 10 – 13.].

Одним из примеров репрессивной политики власти - случай в деревне Немецкий-Аблеш Ичкинского района. Двое немцев и один русский во время выпивки вспоминали времена Первой мировой войны и утверждали, что немцы могут хорошо воевать. За подобные высказывания суд приговорил их к 10 годам лишения свободы за пьянство и «пораженческую фашистскую агитацию» [4, с. 114].

За период с 15 октября 1934 г. по 15 февраля 1935 г. органами НКВД на полуострове ликвидировано 48 контрреволюционных фашистских групп. К ответственности привлекли 192 лица, арестовали 173 (духовенство, учителя, врачи – 26 лиц; кулаков – 142). Действия арестованных были квалифицированы по ст. 58 ч.4 УК РСФСР. По решению судов, к 6 лицам применили высшую меру наказания, 14 человек к 10 годам строгой изоляции, а остальные получили от 3 до 8 лет лишения свободы. Кроме того, 8 открытых судебных процессов провели в колхозах, откуда были подсудимые. Указанные выше факты позволяют рассматривать подобную деятельность большевиков по отношению к немцам как форму запугивания, ликвидации инакомыслия. Также обращает на себя внимания всплеск активности органов НКВД в борьбе с антисоветскими элементами в 1934 – в начале 1935 г.

К концу 1934 г. власти рассмотрели вопрос о проделанной работе среди немецкого населения. В частности, руководство региона на протяжении года проводило собрания немцев-колхозников, на которых велась разъяснительная работа. Советские агитаторы акцентировали внимание слушателей на том, что власть не допустит антисоветских действий и не остановится перед репрессиями лиц, ведущих контрреволюционную деятельность. Об

эффективности таких собраний свидетельствуют принятые решения. Например, немцы колхоза «им. лейтенанта Шмидта» Джанкойского района единогласно приняли следующую резолюцию: «Мы осуждаем гнусную гитлеровскую провокацию фашистской помощи. Несмотря на то, что нам пришлось преодолеть некоторые трудности в период строительства, на что мы пошли сознательно, сейчас мы их уже преодолели. С каждым днем наша жизнь становится лучшей и радостней, и в провокационной фашистской помощи не нуждаемся...» [9, л. 23–32].

Прикрываясь обвинениями в фашизме, большевики также пытались расправиться со священниками. Служащие НКВД ставили перед собою задачу выявить контрреволюционные организации, которые проповедовали фашизм. Например, такая организация была выявлена в колхозе «Ландвирт» дер. Борангра. Ее «главарем» считался бывший проповедник этой деревни гражданин Иван Петрович Вибе. Он организовал вокруг себя две группы: одну в количестве 14 человек из стариков, а вторую – 12 человек из молодежи. Участники этой организации, как говорилось в «Информационном письме о работе среди немецкого населения Тельманского района», «прикрываясь своей религиозностью, проводили фашистскую пропаганду в колхозе». В частности, И.П. Вибе и его сторонникам приписывали такие слова, что «коммунисты ведут народ к гибели, так как они против религии, бога и частной собственности, а единственная страна, которая имеет перспективы в будущем это Германия». В результате «контрреволюционной работы молодежь оторвалась от клуба и общественной жизни, организует на дому религиозные беседы, пение религиозных песен и хождение хора с пением религиозных песен по деревне». Утверждалось, что на проведение контрреволюционной работы данная группа систематически получала от заграничной

организации «Свет на Востоке» денежную помощь и литературу [10, л. 9–10; 11, л. 5–6].

С целью запугивания активистов большевики проводили показательные судебные процессы. Так, например, было и с И.П. Вибе и его так называемой «группой». По решению суда, нескольких участников приговорили к расстрелу, а остальных - к 5 годам лишения свободы [10, л. 12-13].

Обвиняя немцев в проведении фашистской работы, большевики приравнивали к этой деятельности элементарное стремление людей к духовному развитию, к свободной реализации своего права на вероисповедание. Естественно, что это желание граждан СССР шло в разрез с официальной политикой властей. Приведенный выше пример красочно свидетельствует о том, что большевики в лице церкви видели оппозицию. Тем более, что среди немцев, а особенно меннонитов, вопрос религии играл очень важную роль. Поэтому большевики понимали, что, уничтожив церковь, они смогут установить более жесткий контроль над немецкой этнической группой. Для достижения этой цели была избрана тактика террора, выявления различных групп, блоков и организаций, к которым были причастны проповедники. И именно их, в первую очередь, обвиняли в пособничестве фашизму и распространению этих идей среди населения полуострова.

Репрессивная политика большевиков особенно активизировалась в 1937–1938 гг. Именно в это время отмечается третий всплеск преследования немецкого населения Крыму. Немцев обвиняли в том, что они, якобы, были членами или же организаторами контрреволюционных кулацких группировок, немецких шпионско-диверсионных повстанческих и фашистских организаций и т.д. [7, с. 120–128.]. Показательным примером может служить дело Ивана Карловича Гагина, который в 1938 г. был расстрелян с конфискацией

имущества за нелегальное отправление религиозных обрядов [7, с. 114].

Как и в предыдущие годы, органы НКВД пытались выявлять целые группы. Например, в сентябре 1938 г. Сакским районным отделом НКВД была арестована группа немцев, состоящая из 20 лиц. Их обвиняли в участии в «контрреволюционной немецко-фашистской, повстанческой, диверсионно-вредительской разведывательной организации», которая якобы была создана еще в период 1930–1933 гг. Это дело получило название «дело Веселя». По нему сам Весель и еще пятеро человек не признали себя виновными, еще троих по сути обвинения не допрашивали. А те, кто признал вину, давали сведения с такими противоречиями, что сами свидетельства не могли рассматриваться как реальные. Несмотря на это, все были приговорены к различным срокам заключения [8, с. 221–222].

Результатом большевистской репрессивной политики 1937–1938 гг. по отношению к немецкому населению КАР стало то, что на это время приходится примерно 57 % всех из числа пострадавших за 1920–1941 гг. [12, с. 97]. Одновременно анализ дел 1937–1938 гг. позволяет отметить усиление строгости приговоров. В основном это было либо заключение на срок 10 лет или же смертная казнь [12, с. 98].

Апофеоз политики террора относительно немцев Крыма, да и всего СССР, наступил после нападения фашистской Германии. 15 августа 1941 г. в КАР началась эвакуация (депортация) немецкого населения с полуострова в Орджоникидзовский край. Эта операция в основном была завершена к 22 августу.

Всего было депортировано немцев и лиц, родственно связанных с немцами, других

национальностей (русские, поляки, татары – женаты на немках и наоборот) 59744 человек, в числе их члены и кандидаты ВКП (б) и члены ВЛКСМ [7, с. 48 – 51].

Таким образом, установление советской власти в Крыму привело к значительным экономическим, политическим и культурным изменениям. Большевики приложили максимум усилий, чтобы уничтожить или подавить всех своих оппонентов. Среди последних оказалось и немецкое население, которое отличалось своей зажиточностью и религиозностью. Для борьбы с ними была избрана тактика террора. Также, следует отметить, что в репрессивной политике выделяется несколько этапов. Первый охватывает 1925–1934 гг. и характеризуется преследованием и ущемлением прав всех социально неблагонадежных элементов, к которым были зачислены, в первую очередь, кулаки и священнослужители. Второй - 1934–1939 гг. - приходится на время установления в Германии власти Гитлера и конфронтации в отношениях между СССР и Германией. Если на первом этапе репрессиям подверглись все без исключения национальности, то второй период был для немцев особенно сложным в силу того, что на них смотрели как на пособников фашистов. Третий этап охватывает 1941–1989 гг. и связан с депортацией и жизнью в трудовой армии, а затем на спецпоселениях со штампом врага-фашиста. Осуществляемая в 20-30-е гг. большевиками политика носила антигуманный характер. Преследованиям подверглись миллионы граждан бывшего СССР. Виной этих людей, в том числе и немцев, было лишь то, что они хотели жить в условиях рыночной экономики и реализовывать свое право на свободу вероисповедания.

Источники и литература

1. Крим в етнополітичному вимірі / Ред. колегія Курас І.Ф., Панчук М.І., Котигоренко В.О. та ін. – К.: Світогляд, 2005. – 568 с.
2. ГААРК, ф.П-1, оп.1, д. 106 б.
3. Вакатова Л.П. Лишение избирательных прав / Л.П. Вакатова // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры / Сост. Ю.Н. Лаптев. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. – С. 87 – 94.
4. Омельчук Д.В., Акулов М.Р., Вакатова Л.П., Шевцова Н.Н., Юрченко С.В. Политические репрессии в Крыму (1920 – 1940 годы) / Д.В. Омельчук, М.Р. Акулов, Л.П. Вакатова, Н.Н. Шевцова, С.В. Юрченко. – Симферополь: Таврида, 2003. – 208 с.
5. Брошеван В., Ренпенинг В. Боль и память крымских немцев (1941-2001): историко-документальная книга / В. Брошеван, В. Ренпенинг. – Симферополь: Изд. «Гарпан», 2002. – 160 с.
6. ГААРК, ф. П-1, оп.1, д. 1033.
7. Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым: Книга вторая. – Симферополь: Изд. «Антиква», 2006. – 392 с.
8. Омельчук Д. Політичний терор проти національних меншин в Криму / Д. Омельчук // Крим в етнополітичному вимірі / Ред. Колегія Курас І.Ф., Панчук М.І., Котигоренко В.О. та ін.. – К.: Світогляд, 2005. – С. 213 – 229.
9. ГААРК, ф. П-1, оп.1, д. 1422.
10. ГААРК, ф. П-1, оп.1, д. 1446
11. ГААРК, ф. П-142, оп. 1, д. 9.
12. Омельчук Д. В. Политический террор и немецкое население Крыма (1930-е гг.) / Д.В. Омельчук // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры / Сост. Ю.Н. Лаптев. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. – С. 94 – 101.

Анотація. Стаття присвячена дослідженню проблеми репресивної політики по відношенню до німців, які мешкають на території України. Окреслені основні причини та наслідки геноциду населення в 20-30-ти рр. ХХ століття.

Ключові слова: національність, німці, свобода віросповідання, депортація, геноцид, політика терору.

Summary. The article deals with the problem of oppressive policies against the Germans living in the territory of Ukraine. The basic causes and consequences of the genocide of the population in the 20`s and 30 years of the XX century.

Keywords: nationality, the Germans, religious freedom, deportation, genocide, politics of terror.